

Феномен рентоориентированного поведения в институциональном аспекте

Л.Н. ДАНИЛЕНКО

Являясь элементом системы экономических отношений, рентные отношения связаны с использованием ресурсов, способных приносить дополнительный (рентный) доход. Однако присвоение рентных доходов не всегда несет в себе функцию источника социально-экономического развития и инновационной активности. Нередко рентные доходы продуцируют расширение масштабов и форм проявления рентоориентированного поведения субъектов, негативные эффекты которого деформируют систему социально-экономических отношений, блокируют нормальное развитие общества. Признаком «нездоровья» социально-экономической системы, сложившейся в пореформенной России, является тот факт, что закрепившиеся институты (власти, собственности, правопорядка и пр.) позволяют получать огромные индивидуальные доходы вне связи с вкладом субъекта в национальную систему воспроизводства. Такие доходы как раз и характеризуются как рентные. Принципиальная возможность получения незаработанных (незаслуженных, непродуктивных) доходов обуславливает соответствующие интересы и мотивы деятельности субъектов экономической системы (рентные интересы), которые в свою очередь детерминируют их рентоориентированное поведение и непродуктивную деятельность. По мнению автора, многие аспекты функционирования отечественной экономики на микро- и макроуровне могут быть объяснены в рамках концепции рентоориентированного поведения агентов рыночных и вне рыночных экономических отношений. Например, почему сформировавшаяся в России бизнес-элита так и не стала классом эффективных собственников? Почему политическая элита не ориентирована на модернизацию отечественной промышленности? Методы анализа рыночного поведения индивида универсальны и с успехом могут быть применены к любой из сфер, где человек должен сделать выбор. В статье выявлена и проанализирована связь масштабного характера рентоориентированного поведения в пореформенной России с особенностями властной системы, сложившейся в стране.

Ключевые слова: бюрократия, власть, институты, коррупция, рента, рентоискательство, ресурсная экономика, собственность

«Экономическая теория – это не наука о предметах и осязаемых материальных объектах; это наука о людях, их намерениях и действиях», – утверждал Л. фон Мизес [Мизес 2005, с. 89]. Согласимся с таким подходом.

Обычно в механизме рентных отношений исследователи выделяют следующие основные элементы: источники и условия формирования ренты; ее виды и формы; методы расчета и учета; формы присвоения и изъятия ренты (налоговые и неналоговые); направления использования ренты [Кимельман 2010]. С нашей точки зрения, в этот перечень следует добавить (в качестве важнейшего элемента системы рентных отношений) их *субъектов* как явных, так и скрытых. Например, внешне в сырьевом сегменте российской экономики ключевыми остаются отношения между собственником сырьевого ресурса, каковым в России является общество в целом в лице своего представителя – российского государства, и пользователями-арендаторами по поводу присвоения и распределения природной ренты как сверхдохода. Но «от имени и по поручению» государства, как абстрактного института, в рентные отношения вступают конкретные чиновники; правовые нормы, регулирующие эти отношения, утверждают конкретные политики, а трактуют их конкретные судьи.

Считается, что феномен *поиска ренты* (рентоориентированного поведения) был акцентирован в работе Г. Таллока в рамках теории общественного выбора в связи с экстерналиями и деятельностью государства [Tullock 1967], хотя сам термин (*rent seeking*) впервые был использован для описания соответствующей деятельности в работе А. Крюгер [Krueger 1974]. «Обычно, размышляя о поиске ренты, мы имеем в виду демократические группы особых интересов, деньги, используемые для оказания политического влияния и т.д. Но... индустрия поиска ренты не уникальна» [Таллок 2011, с. 58].

Рентоискательство представляет собой конкуренцию за обладание и контроль над ограниченным ресурсом. Вследствие того, что природная рента представляет собой устойчивый доход в долгосрочном периоде, именно природные ресурсы, как правило, являются объектом рентоискательства и на национальном, и на глобальном уровне. По мнению исследователей, одной из первопричин смены в России государственно-общественного строя в начале 1990-х гг. было стремление международного капитала получить доступ к природной, прежде всего, горной ренте нашей страны [Кимельман 2010, с. 53]. Хозяйствующие субъекты стремятся не только захватить те активы, которые приносят рентный доход, но и установить свои «правила игры» для его получения.

«Природа рождает и выращивает зверей, рыбу, скот, заставляет коров давать молоко, кур откладывать яйца, деревья наращивать древесину и приносить плоды, семена прорасти. Тот, кто обладает правом присваивать это возобновляющееся богатство, обладает постоянным доходом», – писал Л. Мизес [Мизес 2005, с. 489]. С развитием в России рыночных и частнособственнических отношений явно обозначилась проблема присвоения подобных доходов, носящих рентный, в значительной степени нетрудовой характер. Для очень многих субъектов экономики доступ к получению рентного дохода оказался закрытым. В России «сегодня рентные доходы аккумулируют лишь два экономических агента – предприятия, использующие рентные ресурсы, и государственный аппарат чиновников. Первые получают такие рентные доходы, что не могут их освоить даже для собственной инвестиционной политики и... вывозят за рубеж. Государственные чиновники...

используют рентные доходы для обеспечения собственной аппаратной безопасности» [Карпиков 2004, с. 21].

Проблему рентоориентированного поведения применительно к современным российским реалиям специально анализируют как отечественные, так и зарубежные авторы. В отечественной литературе *рентоориентированное поведение* определяется как ситуация, когда доходы бизнеса зависят не от наличия предпринимательских способностей, а от близости к государственному аппарату, вследствие чего предприниматели нацелены на получение доходов (ренты) от личных связей, а не обычной, классической предпринимательской прибыли [Мировая экономика 2007, с. 851].

«Привилегии порождают ренты», и в этом контексте «ренты выступают симптомом, а не причиной проблем развития», – отмечает коллектив американских исследователей [Норт 2012, с. 8, 16].

Схожую позицию занимает А. Ослунд, понимая под *рентным поведением* «деятельность, направленную либо на использование монопольного положения, либо на получение доступа к правительственным субсидиям, в отличие от стремления в рыночной экономике к получению прибыли в процессе конкуренции». При этом «получение ренты предполагает либо привилегированный доступ к источникам доходов, либо открытую преступность». *Рентные интересы* ученый определяет, противопоставляя интересы «отдельных лиц, надеющихся получить крупные личные выгоды через государственные льготы», интересам тех, «кто поддерживает реформы, способные улучшить положение большей части общества». С конфликтом между рентоориентированным поведением экономико-политических элит и реформаторством ученый связывает драматизм рыночных реформ в России; к тому же «распределение ренты приняло форму государственного регулирования, давшего ощутимый перевес привилегированному классу», вследствие чего «в России сформировалась чрезвычайно агрессивная имперская элита, которая не приемлет абсолютно никаких запретов и ограничений» [Ослунд 1996, с. 99–104].

О.В. Гаман-Голутвина, исследуя процесс элитогенеза в России, также связывает особенности формирования российского правящего класса с особенностями развития экономики. По ее мнению, властвующая страта современного российского общества не выполняет свою ключевую функцию и не соответствует базовому системообразующему признаку элиты – выполнению миссии локомотива развития. Объясняя причины такого положения, исследователь уточняет, что задачей рыночных реформ 1990-х гг. изначально было не развитие, а *дистрибуция*, то есть перераспределение собственности. Отсюда – безразличие политической и экономической элиты России к самой идее развития и их стратегическая бессубъектность, то есть отсутствие у них как действительного проекта обустройства страны, так и воли для его реализации [Гаман-Голутвина 2006].

Подчеркнем, что в этом смысле в России ничего не изменилось и спустя 20 лет после начала реформ. В середине 1990-х гг. исследователям казалось, что пик поиска ренты в России пройден и рентоориентированное поведение пошло на убыль, что «есть все основания полагать, что рента будет сокращаться и дальше», поскольку, мол, демократические выборы являются действенным инструментом против рентоориентированного поведения, а «народ России в значительной степени

осознал, что происходит и ему это не нравится» [Ослунд 1996, с. 101, 106, 108]. Иначе как идиллическими такие представления не назовешь.

В рамках нашего исследования интерес представляют, прежде всего, институциональные факторы рентоориентированного поведения, поскольку именно институты призваны структурировать повседневную жизнь общества, организовывать взаимоотношения между людьми, создавать ту среду, в которой функционируют рынки, и определять систему мотивов и стимулов, сдержек и противовесов, противодействующих деформации рыночного поведения и рыночных отношений. Под *институтами* (в соответствии с теорией институционализма) предлагаем понимать совокупность формализованных и неформализованных норм, правил, а также механизмы их реализации, с помощью которых структурируются и упрощаются отношения и взаимодействия между людьми и организациями. «Институты определяют спектр альтернатив, доступных экономическим агентам и оказывают влияние на решения, которые на деле принимают индивидуумы», – пишет идеолог институционализма Д. Норт [Норт 1997, с. 6].

Проблему институциональных характеристик рентоискательства в современной России анализирует В.В. Дементьев, отталкиваясь от того факта, что в значительной степени поведение экономических агентов определяется властными отношениями, в рамках которых они действуют. «Экономическое поведение агента зависит от того, кому, чьим интересам, в какой мере подчинена его деятельность; в каких пределах он обладает свободой и, наконец, по отношению к кому данный агент обладает властью», – пишет ученый [Дементьев 2012]. Около 80 лет назад Р. Коуз предложил схожий подход, заметив, что «когда экономисты исследуют работу экономики, они имеют дело с воздействиями отдельных лиц или организаций на других, работающих в той же системе... Если бы не было таких воздействий, не существовало бы подлежащих изучению экономических систем». При этом в любой экономической системе, подчеркивал Р. Коуз, характер воздействий опосредован фактом неравенства в распределении ресурсов и властных полномочий среди субъектов экономики [Коуз 1993, с. 28].

Заметим, что во все времена факт обладания, прежде всего, средствами производства (землей, капиталом и т.п.) являлся основой для эксплуатации других людей. Но в настоящее время главным ресурсом, позволяющим эксплуатировать человека человеком, является *административный* ресурс – должность и положение, занимаемое субъектом. Административный ресурс нематериален по своей природе, но это не делает его менее эффективным в плане возможности эксплуатации другого человека и извлечения административной ренты. Вопрос о *собственности* стал менее значимым, чем вопрос об *управлении*. Основная масса национального богатства в современном обществе присваивается не столько собственниками производства, сколько администраторами (чиновниками, топ-менеджерами). Судьба компаний все больше зависит не от тех, кто ими формально владеет, а от тех, кто ими реально руководит. В экономической литературе даже появился термин, отражающий новый феномен, – *революция менеджеров* [Белл, Иноземцев 2007].

Что касается России, то в нашей стране ресурс, позволяющий извлекать политическую, статусную, административную ренту всегда имел огромное значение.

В отечественной литературе при объяснении институциональных особенностей российского общества широко применяется понятие «власть-собственность», предложенное Л.С. Васильевым еще в советское время [Васильев 1982]. Данный концепт используется для характеристики социально-экономической системы, в которой собственность и власть неразделимы, причем власть – первична, а собственность – вторична. В обществе, в котором функционирует институт власть-собственность, «власть оказывается привлекательной вдвойне: и как собственно власть, и как единственный надежный источник богатства, комфорта» [Гайдар 1997, с. 14]. А.Н. Олейник, отмечая зависимость распространения разных форм ренты от институциональной среды, приводит такой пример: в русскоязычных документах (найденных им 26.03.2009 через поисковик Google) относительная частота использования выражений *административная рента* и *ресурсная рента* составляет 2,2 к 1, в то время как в документах на английском языке – 1 к 34,5 [Олейник 2010, с. 58].

В.В. Деметьев связывает масштабность рентоориентированного поведения в стране с особенностями властной системы, сложившейся в пореформенной России, и выделяет ряд форм властных институтов, генерирующих разные виды ренты. Например, *внутрифирменная* (внутрикорпоративная) *власть*, включающая в себя власть собственника над персоналом, власть менеджмента над персоналом и власть персонала, может порождать *внутреннюю* ренту как результат поведения агентов предприятия (собственников, менеджеров, обычных работников) по отношению к активам данного предприятия. Так, собственник может стремиться не к максимизации прибыли от деятельности собственно предприятия и не к самовозрастанию капитала, а к получению доходов от деятельности «дочерних» и «внучатых» коммерческих структур, контролирующими ресурсные, товарные и финансовые потоки данного предприятия, поставляющих ему ресурсы по завышенным ценам и приобретающих готовую продукцию по заниженной стоимости.

В частности, по оценкам исследователей, неэффективность сложившейся институциональной структуры нефтегазового сектора России как раз и проистекает «из-за широкого использования внутрикорпоративных схем перераспределения финансовых потоков, расходования средств на непрофильные активы и неоправданной диверсификации деятельности компаний, а также значительных расходов на “прочие нужды” и оплату подрядных работ по завышенным ценам» [Крюков 2010, с. 93].

Внешняя корпоративная власть, основанная, например, на монопольном положении корпорации на рынке, объеме контролируемых ею физических, трудовых или финансовых ресурсов, позволяет влиять на поведение как других хозяйствующих субъектов рынка, так и государственных агентов, и способна приносить *внешнюю* ренту, являющуюся результатом дисбаланса рыночной власти.

Власть государства над поведением субъектов экономики может генерировать *политико-административную* ренту, источником которой являются всевозможные барьеры и ограничения, налагаемые регулятором (государством) как на отдельные сделки (транзакции), так и на *поля взаимодействия* (совокупности транзакций). По определению А.Н. Олейника, «административная рента представляет собой особое проявление господства в результате сочетания интересов

как следствия применения стратегии контроля доступа к полю» [Олейник 2010, с. 59–60]. Причем последствия такого господства одноразовой административной рентой не исчерпываются; регулятор («охранник на входе») посредством «огораживания» поля взаимодействия (информационного, правового, территориального, рыночного) создает предпосылки для упрочения своих доминирующих позиций, поскольку бизнес может получить доступ к полю, лишь «купив входной билет». Этот «входной билет» может принимать разные формы: взятка, «откат», признание и поддержание бизнесом правил игры, установленных регулятором или укорененных в неформальных институтах. Следует подчеркнуть, что контроль доступа не ограничивается рамками природно-ресурсных отраслей: «техники ограничения действуют во всех российских регионах, какими бы бедными с точки зрения природных ресурсов они ни были» и «применяются в отношении различных типов бизнеса – от малых предприятий до крупных корпораций» [Олейник 2010, с. 59].

Как результат в нашей стране сложился особый вид бизнеса – административный бизнес, суть которого – сотрудничество с властью, где объектом конкуренции представляются не потребители на рынке товаров и услуг, а доступ к государственным структурам, курирующим «распил» казенных ресурсов [Кордонский 2008, с. 99]. Примечательно, что именно власть, «служилые люди» (прежде всего «силовики») являются активными субъектами такого бизнеса, выступая как собственники по отношению к общественным ресурсам и как рейдеры – в отношении к чужим частным активам. «Когда госслужащий забирает бизнес – это классовая структура рушится под натиском сословного миропорядка», – замечают исследователи [Барсукова (1) 2012, с. 41].

Отечественный исследователь С.Г. Кордонский разработал оригинальную модель сословной структуры современной России: ученый выделяет две аналитические модели – рыночную экономику и ресурсную экономику – и аргументирует ту мысль, что социальной основой рыночной экономики выступают классы, в то время как социальной организацией ресурсной экономики является сословное мироустройство, «основанное на неравенстве граждан перед законом и различиях в объемах прав и обязанностей перед государством» [Кордонский 2008, с. 37]. Основная цель субъектов ресурсной экономики – борьба за *сословную ренту*. Если в рыночной экономике действует принцип «купи – продай» и таким образом «заработай», то девиз ресурсной экономики «отдай – получи», причем «получи» не за труд (трудиться можно много или мало – это не важно), а за службу, которая должна быть усердной, за что соответственно и вознаграждается. Именно «в характере служения закодировано место индивида в обществе, его права, обязанности, привилегии, моральные нормы и отношения с законом» [Барсукова (1) 2012, с. 34].

Идея сословной ренты и ресурсной экономики тесно переплетается с концепцией «экономики раздатка», разрабатываемой О.Э. Бессоновой [Бессонова 2012]. Суть раздаточной экономики – сосредоточение ресурсов в едином Центре с последующим их перераспределением (раздачей) по результатам служения. Основным мотив служения – демонстрация служебного рвения, лояльности, исключительной полезности для Центра – связан не с *созиданием* и приумножением ресурсов

(что определяет деятельность как рыночную), а с расширением привилегий и перedelом ресурсов.

Подтверждают такой вывод и оценки Ю.С. Пивоварова, обращающего внимание на исторически сложившийся *передельный* характер российской экономики и общества. По его мнению, *передельность* предопределила и ресурсноориентированный характер производства, когда на первом месте стоит не промысел, не создание чего-то нового, а захват ресурсов и торговля ими, и обрекла Российскую империю на экстенсивный тип экономического развития [Пивоваров 2006].

Важно заметить, что в сословном мироустройстве положение предпринимателей оказывается двусмысленным: по своей сути, предприниматели не относятся к категории «служилых людей», поскольку они по определению должны действовать согласно рыночной, а не раздаточной логике. Рыночная конкуренция стимулирует предпринимателей к независимой созидательной, новаторской деятельности, а не к «распилу» ресурсов. Однако в рентоориентированной экономике вести независимый бизнес оказывается делом практически невозможным: в ситуации, когда «пожарные, санитары, налоговики, таможенники, прокуроры, разномастные инспекторы и другие “блюстители государственных интересов” наступали единым фронтом», бравада независимых предпринимателей в России сошла «на нет» [Барсукова (1) 2012, с. 40].

С точки зрения экономики соглашений (конвенциональной теории) поле взаимодействия задается институциональными границами (главным образом – неформальными) и доступ к полю открыт для каждого, кто признает заданные правила игры и «уважает» сложившуюся иерархическую структуру [Тевено 2005]. Очевидно, что если заданные правовые нормы и сложившиеся неформальные правила соответствуют интересам экономического *большинства*, то доступ к полю взаимодействия не является избирательным и возможности для извлечения сословной и административной ренты невелики. В противной ситуации, когда нормы и правила отражают интересы *конкретных* лиц (физических или юридических), возможности для своекорыстного поведения заинтересованных субъектов значительно возрастают: то есть работает принцип «чем уже доступ к полю взаимодействия, тем шире поле власти и господства, больше возможностей рентоориентированного поведения и непродуктивной деятельности».

Естественным результатом ограничений доступа к рыночному полю взаимодействия становится возникновение *монополии* и близких к ней рыночных структур. Большой вклад в количественную оценку последствий монополизации рынков внесла неоклассическая теория. В этой связи теории рентоориентированного поведения и непродуктивной деятельности субъектов являются дополнением неоклассической теории монополии: в частности, Г. Таллок доказывает, что последствия монополизации рынка не сводятся только к тому факту, что монополист, пользуясь своим положением *price-maker*, устанавливает цену выше уровня предельных издержек и получает монопольную прибыль, захватывая часть излишка потребителя; в этом случае присваиваемая в результате монополистического ценообразования *рента* используется монополистом на цели, не связанные с производством – усиление своих позиций на рынке, создание через институты политического

лоббирования и логроллинга условий для присвоения новой ренты [Таллок 2011, с. 142–153]. В результате часть монопольной ренты трансформируется в административную, посредством которой обеспечивается возможность дальнейшего присвоения монопольной ренты и выделения из нее новой административной ренты.

Можно сказать, что монополизация рынков запускает механизм расширенного воспроизводства и трансформации ренты, стимулирует рентоориентированное поведение субъектов экономики и власти, которое оказывается взаимозависимым. С одной стороны, чтобы быть допущенным на рынок (к полю взаимодействия), бизнес вынужден соглашаться со сложившимся порядком вещей, но с другой стороны, в обмен на выплату регулятору части монопольной ренты и поддержку разнообразных инициатив власти он получает возможность действовать в условиях ограниченной конкуренции.

А.Н. Олейник использует выражение «долг чести», отмечая, что одна из основных обязанностей бизнеса, получившего доступ к полям взаимодействия, «заключается в содействии всеми доступными средствами – финансовыми, идеологическими, структурными и прочими – господству» регулятора (государства), что еще больше усиливает системные перекосы в экономике [Олейник 2010, с. 72].

Следует заметить, что административная рента не обязательно присваивается в форме взяток, «откатов»; часть ее может использоваться в общественных интересах, замещая бюджетные расходы или дополняя их. Поскольку любая рента может использоваться для финансирования инновационных, инфраструктурных, социальных и прочих проектов, то исследователи проводят различия между рентами, препятствующими развитию и облегчающими его. Т.-В. Нго, рассуждая по поводу присвоения административной ренты в Китае, обращает внимание на «две стороны процесса создания ренты: рента как легитимный инструмент в руках государства и как источник коррупции» [Ngo 2008, p. 30]. В зависимости от уровня развития страны, «создание рент и ограничение конкуренции могут иметь как положительные, так и отрицательные последствия», отмечает коллектив американских авторов [Норт 2012, с. 21]. Положительное влияние рент на производство отмечается в Чили, Южной Корее, Мексике, Индии. Следует отметить, что экономически эффективные ренты характеризуются двумя чертами: они не бессрочные и связаны с прибыльностью фирм, которые их получают.

В любом случае, чтобы иметь возможность присваивать рентные доходы, бизнес должен играть по правилам регулятора и исполнять подчиненную по отношению к нему роль. Представители предпринимательского сословия в России вынуждено признают заданные «государевыми людьми» правила игры, в том числе свою обязанность уплачивать откупные – «сословный налог», обратной стороной которого выступает сословная, административная рента – как в форме откровенных «откатов», взяток и прочих подношений, так и в завуалированной форме «социальной ответственности бизнеса». В свою очередь, полиция обеспечивает «своим» предпринимателям всемерную поддержку, судебная система устраняет их конкурентов, а власть гарантирует получение госзаказа. В такой ситуации, «идеология свободного предпринимательства и деловая этика, адаптированная к условиям

открытого рынка... представляется неуместной и даже контрпродуктивной», – констатируют исследователи [Олейник 2010, с. 80].

Таким образом, рентоориентированное поведение возникает не просто в рыночной среде, а внутри «огороженного» рынка, то есть рынка, превращенного регулятором в огороженное *поле* взаимодействия. В системе же недропользования огораживание рынка носит особенно явный характер, тем более что и опыт развитых стран, являющихся одновременно крупными недропользователями (Австралия, Великобритания, Канада, Норвегия), свидетельствует, что либеральная система институтов, регулирующая хозяйственный оборот обычных активов, должна дополняться системой правил и процедур, жестко регламентирующих освоение и использование ресурсов недр так, чтобы это соответствовало общественным интересам [Крюков 2006, с. 86].

Экономически неэффективная административная рента появляется как результат переориентации интересов политико-административных агентов с создания коллективных благ и эффективных хозяйственных институтов на обслуживание интересов особых групп и получения от них вознаграждения («отката») за счет предоставленных преференций, перераспределения государственных средств и т.д.

Но почему происходит переориентация (смещение) интересов экономических и административных субъектов с экономически и социально продуктивного поведения на рентоориентированное?

Экономическая теория объясняет поведение человека как результат выбора между альтернативными вариантами поведения: сделать выбор означает просто остановиться на наилучшем из имеющихся вариантов, исходя из сравнительного анализа предполагаемых выгод и издержек. Как пишет П. Хейне, «экономисты предполагают, что человек действует..., взвесив ожидаемые плюсы и минусы доступных ему вариантов, и что он учится на своих ошибках и, следовательно, не повторяет их» [Хейне 1997, с. 28]. Если меняется размер издержек или выгод, то люди меняют свое поведение. «Если рента велика и рентоориентированная активность (лоббирование, коррупция, захват собственности) не пресекается, то инвесторам выгодно вкладывать средства в присвоение ренты; если же такая активность является слишком рискованной, то они предпочтут вложения в производство», уточняют ситуацию отечественные исследователи [Полтерович 2007, с. 12–13]. Следовательно, любое ослабление институциональных ограничений на социально-неэффективное экономическое поведение или увеличение выгод от него снижает вероятность эффективного образа действий.

Совокупность различных форм властных институтов и властных отношений образуют *властную систему страны*, от состояния которой зависит способность национальной социально-экономической системы в целом к оптимальному функционированию и развитию. «Состояние системы власти определяет то, в какой мере общие цели и потребности эффективного экономического развития «введены» (прямо или косвенно) в структуру интересов отдельных агентов хозяйственной системы», – подчеркивает В.В. Дементьев [Дементьев 2012].

Множественность элементов властной системы предполагает определенное соответствие между ними: система власти может быть сбалансированной (равно-

весной, эффективной) или «перекошенной» в сторону того или иного элемента. Проиллюстрируем «перекошенность» властной системы следующим примером. Обычно, когда говорят о роли государства в экономике, имеют в виду взаимодействие государства и рынка как двух взаимозаменяемых способов координации отношений между экономическими агентами и их группами: «провалы рынка» могут быть компенсированы государственным вмешательством, а фиаско государственного регулирования возможно преодолеть с помощью эффективных рыночных механизмов; в данном контексте и государство, и рынок рассматриваются в качестве двух главных регулирующих сил в экономике. Однако подобное представление неполно, так как не учитывает влияния общества на экономику. Результаты развития институциональной экономики и эволюционной экономической теории показывают, что *общество* (на микроуровне – коллектив, социальная группа, на макроуровне – структурированная совокупность индивидов, проживающих на территории данной страны, федеральные политические и общественные организации, СМИ) оказывает непосредственное и ощутимое влияние на экономику. При этом если *государство* регулирует и стимулирует экономику, способствует организации и реализует межвременную преемственность развития общества, *рынок* (экономика) определяет мощь государства и экономические возможности общества, а *общество* задает цели и ограничения развития рынка, «дисциплинирует» («воспитывает») государство; то есть развитие страны в значительной степени определяется соотношением этих трех макросистем: государство, общество, рынок. Если одна из систем начинает доминировать над другими, то возникает деформированный и неэффективный тип общественного устройства: например, если господствует государство, подавляя творческие и инициативные силы общества, контролируя производительные силы экономики, то общественное устройство определяется как *тоталитаризм* (как, например, в КНДР). Если доминирует общество, в котором экономическая активность низкая, государство слабое, то в стране воцаряется *анархия* (некоторые слаборазвитые страны Латинской Америки). Если же в обществе преобладают экономические интересы агентов, государство не пользуется авторитетом, а социальные структуры – слабые, то возникает так называемая *экономика физических лиц*, в которой каждый конкурирует с каждым (например, Колумбия) [Клейнер 2004, с. 27].

Нарушение равновесия в системе власти порождает драматическое расхождение между индивидуальной мотивацией хозяйствующих и регулирующих субъектов и социально-продуктивной экономической и политической деятельностью. По мнению академика Г. Клейнера, сложившаяся в результате рыночных реформ экономика России может быть охарактеризована как *экономика физических лиц*, в которой «интересы руководителей различных рангов, обусловленные их институциональным положением играют подчиненную роль по отношению к их собственным интересам как физических лиц», в которой «экономические отношения между физическими лицами... являются доминирующими, полностью заменяют экономические отношения между юридическими лицами» [Клейнер 1996, с. 84, 88].

В.В. Дементьев, уточняя характер нарушения равновесия в сложившейся структуре власти в России, отмечает дефицит *системообразующих* для современной рыночной экономики эффективных форм власти: рыночной власти потребите-

ля над производителем; власти внутрикорпоративного контроля и правового государственного контроля в обеспечении защиты прав собственности и соблюдения законности; социальной власти в лице институтов гражданского общества и др. [Дементьев 2012]¹.

Таким образом, следствием недостатка эффективных форм власти становится избыток неэффективной *частной* (персонифицированной) власти менеджеров, политико-административной бюрократии, монополий, криминальных структур и т.д., принимающей форму произвола, «когда экономические взаимодействия регулируются не формальными правилами (институтами), а исключительно частным доступом к источникам власти» [Яцкий 2011, с. 152].

Перекошенный, несбалансированный характер властной системы, которая, напомним, должна выполнять функцию сдержек и противовесов, препятствующих искажениям рыночных отношений и рыночного поведения, создавая ту среду, в которой функционируют рынки и их агенты, накладывает соответствующий отпечаток на мотивацию и поведение агентов как экономической, так и административной сферы.

Так, дефицит эффективной системообразующей власти при избытке неэффективной частной власти, *во-первых*, ослабляет ограничения на неэффективное (с позиции общественного благосостояния) экономическое поведение субъектов и уменьшает выгоды от эффективного хозяйствования². Но такое искажение выгод и издержек соответственно изменяют интересы субъектов: подавляется мотивация к социально-продуктивной деятельности, начинают доминировать стремления к социально-неэффективному поведению, в том числе – рентоориентированному. Подобные искажения «рассеиваются» по всей системе, так или иначе захватывая все большее число субъектов (по принципу «с волками жить – по-волчьи выть»).

Во-вторых, субъекты, обладающие избытком частной власти, имеют возможность присваивать собственность и доходы в размерах и формах, немислимых при сбалансированной системе власти, выходящих за рамки разумности и не связанных с вкладом в общественное производство. Следствием же того, что никто из субъектов не имеет уверенности в долгосрочном сохранении своих нелегитимных властных позиций, становится доминирование краткосрочных интересов (шоттер-

¹ Существуют разные подходы и критерии для определения *эффективных форм власти*. Например, эффективная форма власти создает условия для минимизации величины производственных и транзакционных издержек, необходимых для получения единицы дохода (выгоды, полезности) при социально-продуктивной деятельности экономического агента. Другой подход: степень эффективности власти можно определить тем, насколько близко возле технической границы своих производственных возможностей функционируют хозяйствующие субъекты и экономика страны в целом. В общем, эффективная власть ориентирует (создает соответствующие стимулы) хозяйствующих и политико-административных субъектов на такое поведение, результатом которого становится эффективное использование ограниченных ресурсов общества [Дементьев 2003].

² В.В. Дементьев пишет о *занижении индивидуальных издержек неэффективного поведения*, если агент не опасается прямых санкций, конфискации имущества, потери должности или рабочего места при обнаружении неэффективных результатов своей деятельности. *Завышение индивидуальных издержек социально-эффективного поведения* может быть связано с упущенной выгодой как результатом отказа от социально-неэффективных, но приносящих значительный индивидуальный доход форм экономической активности; с завышенными транзакционными издержками взаимодействия с государственными и экономическими агентами (как внешними, так и внутренними) и т.д.

мизм, от англ. *short-term*) в хозяйственных отношениях и поведении, ориентация на максимизацию индивидуальных доходов в сжатые сроки и в наиболее ликвидной форме. Вместо инвестирования в реальные активы агенты предпочитают вкладываться в извлечение или захват ренты. В результате экономический рост, даже если он и происходит, как, например, в России в период между кризисами 1998 г. и 2008 г., оказывается краткосрочным и сменяется упадком при первых же «сбоях в системе».

В-третьих, в условиях несбалансированного характера властной системы, сложившейся в России, действует «теорема», которую В.Т. Рязанов определил следующим образом: «до тех пор, пока экономическая эффективность хозяйствования ниже экономической эффективности передела собственности, перераспределение прав собственности будет продолжаться. В этих условиях задача формирования эффективного собственника отодвигается на второй план, на котором она может надолго застрять» [Рязанов 2009, с. 286–287].

Перераспределение прав собственности и контроля над производственными активами (и соответствующими рентами) несет положительный эффект, если стимулирует предпринимательскую деятельность и увеличение капитального запаса. Но если это перераспределение воспроизводит отношения политической зависимости, то результаты имеют негативный характер, отмечают исследователи из США [Норт 2012, с. 22].

В России негативные результаты проявились в формировании частных властных группировок, подчинивших хозяйственный процесс и его организационные формы собственным интересам извлечения и присвоения ренты в ущерб эффективности национальной хозяйственной системы в целом. Причем при переделе собственности и борьбе за контроль над рынками и финансовыми потоками доминирующим источником власти являлись доступ и готовность к применению ресурсов *насилия* (или откровенно криминального характера, или в виде частного использования государственного аппарата принуждения), тем самым насилие трансформировалось в экономический, а затем и политический ресурс (мечта многих российских мальчишек 1990-х гг. стать бандитами, а в 2000-х гг. – работать в сфере государственного управления, является ярким тому подтверждением).

Обратим внимание, что наша страна в этом смысле не уникальна: например, Т. Гомер-Диксон подчеркивает, что дефицит ресурса и желание получить ренту от его использования делает ресурс объектом интереса узких групп лиц, рентоориентированное поведение которых нередко подразумевает насилие и использование властных полномочий для наступления на гражданские права и свободы. В таких ситуациях человеческий потенциал растрачивается на борьбу с социальными трениями [Homer-Dixon 1995]. Э. Ларсен отмечает, что рентоискательство приводит к формированию коалиций, концентрирующих экономическую и политическую силу в своих руках, угнетающих более слабые социальные группы, подавляющих национальное производство, общественное доверие и инвестиционный процесс [Larsen 2006].

Четвертым, во многом примыкающим к предыдущему, следствием дефицита эффективной системообразующей власти и проявлением тяги к извлечению

ренты является рост сепаратистских настроений среди местных властных группировок, не желающих делиться рентой с центральными властями страны и готовых ради рентных сверхдоходов прибегать к насилию, вплоть до развязывания гражданских войн [Норт 2012]. В России сепаратистские поползновения перманентно проявляются в Татарстане, Башкортостане, Туве. В республике Саха-Якутия против центра постоянно и жестко выступает местная сепаратистская партия «Народный Фронт Якутия АЛРОСа», имеющий поддержку более 80% населения [Шишков 2011, с. 20].

Особо подчеркнем, что концентрация экономических и политических ресурсов в руках коалиций превращает их в группы влияния, в *доминирующих агентов* социально-экономической системы. Соответственно, мотивы и характер поведения доминирующих агентов и групп (рентные мотивы и рентоориентированное поведение) выступают как бенчмаркинговые (от англ. *benchmark* – точка отсчета, эталон), «задают тон», становятся доминирующими в данной социально-экономической системе, превращая ее в *рентную систему*, в которой извлечение, перераспределение, захват и присвоение ренты определяют основную направленность развития. А поскольку рентоориентированные мотивы, поведение и отношения преобразуются в доминирующие, постольку они захватывают и государственные структуры, и всю бюрократическую систему страны.

Одним из направлений исследования теории общественного выбора остается *экономика бюрократии*: согласно теории общественного выбора, это система организации, удовлетворяющая двум критериям: она не производит экономические блага, имеющие рыночную оценку, и извлекает часть доходов из источников, связанных с продажей результатов своей деятельности.

Законодательные органы образуют исполнительные органы, а те, в свою очередь, – обширный бюрократический аппарат для выполнения разнообразных функций государства, которые затрагивают интересы избирателей. В результате избиратели, проголосовавшие за депутатов, оказываются в непосредственном подчинении у бюрократов, но в силу собственного положения бюрократия не связана непосредственно с интересами избирателей: она обслуживает интересы различных эшелонов законодательной и исполнительной власти. Бюрократия развивается как иерархическая структура внутри государства, и, построенная по принципу пирамиды, эта система создает разветвленный аппарат управления, подчиненный центру и осуществляющий контроль над всеми сферами жизнедеятельности общества.

С одной стороны, бюрократическая система необходима в качестве стабильной организации для осуществления долгосрочных программ. Поскольку политический процесс представляет собой единство прерывности и непрерывности (периодическое обновление законодательных органов сочетается с относительной стабильностью основных структур исполнительной власти), то бюрократия помогает сохранить преемственность в руководстве: чиновники не только реализуют уже принятые законы, но и активно участвуют в подготовке новых проектов.

С другой стороны, бюрократизация выступает одним из крайних вариантов несовершенства государственного вмешательства в экономику. Бюрократическая

система управления развивается в соответствии с определенными закономерностями, делающими ее неэффективной. Примечательно, что эти закономерности типичны для бюрократической системы как таковой и практически не зависят от личностных характеристик конкретных чиновников.

Во-первых, бюрократизм порождает зависимые отношения между «власть имущими» и подчиненными – *неоправданные классовые различия*, в терминологии Дж. Бьюкенена, который утверждает, что дискриминация граждан по тому или иному признаку, фаворитизм почти неизбежно присущи любой системе, ставящей людей в зависимость от бюрократов [Бьюкенен 1994, с. 108].

К схожему выводу приходят и отечественные исследователи, отмечая, что в России построен специфический вид капитализма – *бюрократический*. «Специфика его заключается в том, что наряду с классической схемой поляризации общества: предприниматели – наемные работники, дополнительно сформировался еще один класс – чиновничья бюрократия, играющая одну из ключевых ролей в постсоветском обществе» [Швецов 2006, с. 87]. Так, если в последние годы существования СССР один чиновник приходился на 220 жителей, то к началу 2009 г. – уже на каждых 100 россиян (заметим, это при том, что значительная часть государственных функций передана негосударственным организациям) [Швецов 2009]. Значимость чиновника (как и его доход) полностью зависит от должности, которую он занимает во властно-иерархической системе.

Во-вторых, согласно закону Паркинсона, любая бюрократическая организация, независимо от ее функций и объема работы, вырастает настолько, насколько ей позволяют внешние условия. По Паркинсону, бюрократическая организация сама находит себе работу и любая работа любого объема занимает все отведенное ей время. Ведь, как заметил Дж. Бьюкенен, *для чиновника главное – решить проблему, а не решить ее*.

Примером этого точного замечания американского автора может служить обилие поражающих воображение бюрократических инициатив в России. «То призывают к инновациям, разрушив отечественную обрабатывающую индустрию, которая требует и генерирует инновации. То зовут к интеллектуализации, разрушив высшее техническое образование и заменив его подготовкой менеджеров, юристов, экономистов. То радужно пропагандируют идею создания информационного общества, как будто информационные технологии смогут заменить высокотехнологическую промышленность. Затем все это вытесняется лозунгом модернизации всего и вся, от экономики, социальной сферы до политики и институтов гражданского общества», – иронизирует С. Кимельман [Кимельман 2011, с. 25]. Заметим, каждая выдвинутая инициатива (а для их генерирования в России даже создали *Агентство стратегических инициатив* с неопределенными функциями, но вполне конкретным бюджетом) способствует разбуханию государственного аппарата – людей, занятых поиском политической ренты, то есть стремящихся получить экономическую ренту с помощью политического процесса в виде дохода от обладания административным ресурсом.

В ситуации, когда *политика развития* замещается *политикой перманентного реформирования*, подменяются критерии результатов деятельности макроуправленцев, освобождая их тем самым от ответственности за принимаемые решения. В частной

фирме критерием эффективности работы является рост прибыли, в государственном аппарате такой критерий отсутствует. Обычной реакцией на провалы принятых ранее программ становится увеличение ассигнований и рост штата сотрудников³.

К. Кордонье обращает внимание, что в России, с ее многовековыми бюрократическими традициями и слабым гражданским обществом, «риск того, что плоды от природной ренты окажутся в руках бюрократов и секретных служб, в настоящее время исключительно высок. Это значит, что рентные платежи будет практически невозможно использовать в инвестиционных целях, а также то, что между обществом и чиновничьим аппаратом будут постоянно возникать трения» [Кордонье 2005].

Действительно, за последние годы поле научно-политических дискуссий по рентной проблематике в России сместилось из области обсуждения вопросов изъятия рентных доходов к проблеме распределения и использования ренты. При этом общая ситуация меняется только в худшую сторону: за 10 «тучных» лет (с 1999 по 2009 гг.) число госслужащих в России увеличилось в 1,74 раза; в 2011 г. на содержание органов власти из федерального бюджета России было затрачено 29,5 млрд долл. (844 млрд руб.), в то время как аналогичные расходы в США составили 31,2 млрд долл., хотя ВВП России в 9 раз ниже американского, да и население России меньше американского в 2 раза [Иноземцев 2011, с. 21]. Специалисты полагают, что финансовой основой такого «аппетита» стала система изъятия природной ренты, при том что, в принципе, она призвана аккумулировать ренту и направлять ее на обеспечение важнейших задач социально-экономического развития [Яцкий 2011, с. 153–154].

Россия в этом случае – не единственная в своем роде: основываясь на анализе ситуации во многих странах, богатых сырьевыми ресурсами, эксперты фиксируют наличие устойчивой тенденции к чрезмерному расширению государственного сектора. Например, в Саудовской Аравии в середине 1990-х гг. в государственном секторе было занято более 90% всей рабочей силы с фондом заработной платы до 20% ВВП страны, что в 4 раза превышало аналогичный показатель для Индонезии [Auty 2008].

Постоянный рост органов управления обусловлен и действием *закона теории управления* о соотношении сложности объекта управления и системы, управляющей им. Согласно закону, сложность управляющей системы растет намного быстрее, чем сложность объекта управления. Примером может быть complication механизма центральной исполнительной власти в России: в 2004 г. в стране насчитывалось 53 федеральные властные структуры, в конце 2008 г. – более 80; в 2004 г. премьер-министр имел всего одного заместителя, в конце 2008 г. – уже восемь [Швецов 2009, с. 148–149].

С ростом бюрократии развиваются негативные стороны управления: чем больше бюрократический аппарат, тем ниже качество принимаемых решений, тем медленнее осуществляется их претворение в жизнь. Различные ведомства преследуют нередко противоположные цели; их работники часто дублируют работу друг

³ Начать программу или проект намного легче, чем выйти из нее: когда негативные последствия становятся очевидными, выходу препятствуют соображения престижа. Ситуация, сложившаяся в системе высшего и среднего образования в нашей стране – яркое тому подтверждение.

друга; устаревшие программы не отменяются; издаются все новые циркуляры; увеличивается документооборот. Все бюрократические новации, как правило, направлены на совершенствование процесса документооборота в данной организации. Для бюрократии характерны стремление ускорить ход дела административными методами, абсолютизация формы в ущерб содержанию, принесение стратегии в жертву тактике, подчинение цели организации задачам ее сохранения. Кроме того, поскольку государственный аппарат непосредственно не испытывает давления со стороны международной конкуренции, он в принципе менее чувствителен к качеству занятого в нем человеческого капитала и уровню образования работающих в бюрократической системе людей.

В-третьих, для любой бюрократии самой предпочтительной формой собственности является государственно-монополистическая: реализуя функции пользования и распоряжения этой собственностью, бюрократия, по сути, приватизирует государство (еще К. Маркс заметил, что государство – это частная собственность бюрократии); преследуя собственные цели, бюрократы стремятся к принятию таких решений, которые открывали бы для них доступ к самостоятельному использованию ресурсов. На экономии общественных благ они мало что могут «заработать», принятие же дорогостоящих программ предоставляет им возможности для личного обогащения, усиления влияния, укрепления связей с поддерживающими их группами и, в конечном счете, для подготовки путей «отхода»⁴. Неслучайно многие служащие корпораций, проработав в государственном аппарате, возвращаются в свои корпорации с повышением, такая практика получила название *системы вращающихся дверей*.

В-четвертых, статусные особенности позволяют бюрократии, наряду с общественными благами, навязывать обществу и так называемые *бюрократические блага* [Бодриков 2006]. В отличие от хозяйственных благ (частных, общественных), бюрократические блага не обладают потребительской полезностью, то есть меньшее их количество и для общества, и для индивидов предпочтительнее большего. Обмен хозяйственными благами характеризуется горизонтальными отношениями, построенными, как правило, на принципах добровольного обмена. Реализация же бюрократических благ происходит по вертикальной цепочке, что делает обмен асимметричным. В отношении бюрократии эта асимметрия закрепляется юридическими нормами: граждане не имеют возможности отказаться от потребления бюрократических благ. Потребление результатов бюрократического производства носит принудительный характер по мере возникновения ситуации, подлежащей государственной регламентации, и в порядке очереди. Основной формой бюрократических благ является *процедура*⁵, что позволяет рассматривать обществен-

⁴ Проводя в октябре 2009 г. в Калуге совещание по вопросам регионального развития, В.В. Путин обратил внимание на неэффективные расходы на содержание органов госвласти и местного самоуправления. По его словам, «каждый третий бюджетный рубль был потрачен без должной отдачи», в 2008 г. расходы на государственное и муниципальное управление выросли на 30%, а численность чиновников росла даже в первой половине 2009 г. (см.: «Аргументы и факты» 2009. № 44).

⁵ Процедуры открытия фирмы, процедура проверки обеспечения пожарной безопасности на хозяйственном объекте или соблюдения санитарных норм, процедура регистрационного учета граждан по месту жительства,

ные и бюрократические блага как сопутствующие (совместные) продукты одного производственного (бюрократического) процесса. Как известно, для совместных продуктов крайне трудно провести разделение затрат, что и позволяет бюрократии преследовать свои внутренние цели.

В результате бюджет бюрократии складывается не только из государственного финансирования производства общественных благ, но и выручки от реализации бюрократических благ (в форме продаж дополнительных услуг, «пожертвований» в фонды помощи тех или иных государственных структур, взяток и др.). Причем государственное финансирование выступает как жесткое ограничение, а вторая составляющая – как переменная величина, определяемая поведением самих чиновников.

Исследователи обращают внимание, что в России в результате несбалансированности властной системы формируется специфическая рентная экономика, «где “захват” ренты с периферии экономических отношений, – что характерно для “нормальной” рыночной экономики, – переходит в центр экономической системы, определяет основные цели ее движения и результаты» [Дементьев 2012]. Экономический и политический вес, властные возможности используются заинтересованными лицами и коалициями для противодействия позитивным, с позиции общественного благосостояния, институциональным преобразованиям в экономике и политике, потенциально способными ограничить избыточную частную власть и перекрыть источники получения наиболее одиозных рентных доходов.

Таким образом, если *власть, административный ресурс* становятся источником и условием получения рентного дохода, классическая рыночная конкуренция предприятий в сфере предложения и спроса товаров и услуг, будучи важнейшим условием эффективного функционирования рыночной экономики, подменяется сговором, уступает место рентоискательству, а социально-экономические изменения сводятся к противоборству физических лиц и смене группировок, контролирующих источники рентных доходов; развитие при таком положении дел блокируется.

В подтверждение данных выводов рассмотрим ситуацию с *коррупцией* (как одного из методов извлечения рентного дохода и варианта рентоориентированного поведения), превратившейся, по оценкам Ю.Ю. Болдырева, в системное свойство российского капитализма [Болдырев 2011]. Выразим согласие с такой оценкой эксперта и подтвердим ее собственными размышлениями.

В одной из работ Д. Белл отмечает, что важной причиной современного отставания африканских и азиатских обществ является то, что долгое время они не знали принципа индивидуальной ответственности, что в свою очередь затрудняет для них восприятие идеи верховенства закона. По этой причине коррупция в Африке сегодня распространена значительно шире, чем в других регионах, и является настоящим бедствием [Белл 2007, с. 37–38]. В этом смысле в России – как в Африке. Исследования, проведенные *Transparency International*, показывают, что по индексу восприятия коррупции Россия занимает 154-е место из 180 стран (между

Таджикистаном и Папуа), а по индексу взяточательства (взятка – наиболее распространенная форма коррупции на бытовом уровне) находится в худшем положении, чем Бразилия и Индия [Кудров 2011, с. 35].

Преодоление *корруптированности*, то есть *практики использования официальными властными лицами своего должностного положения для получения личной выгоды*, уже в течение многих лет объявляется властями одной из насущных задач российского общества. К сожалению, сегодня большая часть российского социума «рассматривает мздоимство как часть некоего социального договора с властью о взаимном сосуществовании», воспринимает взяточничество не как отклонение от нормы, а как неформальную норму взаимоотношений граждан с чиновниками [Кабанов 2011, с. 35]. Заслуженный юрист РФ Д.А. Корецкий отмечает, что «в России выросло поколение людей, которые уверены, что можно остаться безнаказанным и откупиться за любое преступление» [Корецкий 2012, с. 3]. В результате отсутствует реальный социальный заказ на борьбу с коррупцией, которая если и ведется, то на низовом уровне, да и там носит имитационный характер⁶. Как следствие, в сознании большинства россиян (58%) укрепилось убеждение, что коррупция в России непобедима.

В коррупции заинтересованы широкие, а главное, влиятельные социальные силы (профессиональные управленцы, сотрудники правоохранительных органов и силовых структур), чьи официальные доходы относительно невысоки, но в пользу которых и происходит масштабное перераспределение общественного богатства через коррупционный механизм. «Для них коррупция – инструмент выживания в качестве привилегированного общественного слоя, принадлежность к которому является главным смыслом социального бытия соответствующих категорий служащих» [Богатуров 2011, с. 18]. Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин отмечает, что из-за масштабной вовлеченности правоохранительных органов в деятельность преступного мира «государство не способно защитить своих граждан от массового насилия со стороны бандитов и коррупционеров, этой неспособностью *обрекает себя на деградацию* (курсив автора – Л.Д.)» [Зорькин 2010].

Важным контекстом масштабного характера коррупции в современной России выступают особенности российской приватизации. О.Э. Бессонова подчеркивает, что «коррупция в высших органах власти является производной от раздачи государственной собственности за цену, не соответствующую реальной ее стоимости, путем “назначения” собственников». Общество воспринимает непрерывный поток денег от олигархов к чиновникам высшего уровня как взятки, «откаты», административную ренту, но на самом деле эти деньги представляют собой «передачу дивидендов от совместного владения бывшей государственной собственностью», своего рода денежный эквивалент долевого участия чиновника (в соответствии «чином») в рыночном проекте, считает ученый [Бессонова 2012, с. 138].

⁶ Неудивительно, что основными «коррупционерами» у нас объявляются учителя, преподаватели вузов, врачи, при этом высший уровень коррупционеров закрыт для преследования.

Подобные идеи выдвигают и другие отечественные исследователи. С.Ю. Барсукова определяет коррупцию как системную характеристику раздаточной экономики, как рыночное воплощение раздаточной логики, суть которой – «сдачи по чину». В переходном периоде «сдачи» принимают форму взятки и поступают не в абстрактные «закрома Родины», а в карман конкретных чиновников. Размер сдачи-взятки зависит от важности решаемого вопроса (что нашло отражение в широко используемом сегодня выражении, «какова цена вопроса?»), от объема ресурсов, к которым взятка открывает доступ, от положения чиновника в системе властной иерархии [Барсукова (2) 2012, с. 137–138].

По оценкам председателя Национального антикоррупционного комитета К.В. Кабанова, основными сферами, подверженными коррупционному влиянию, до настоящего времени остаются управление государственной собственностью, распоряжение природными ресурсами, распределение бюджетных средств, государственные закупки, незаконный захват собственности юридических и физических лиц. При этом коррупция в России инициируется не гражданами или бизнесом, а чиновниками и носит силовой характер – «бюрократия давит» [Кабанов 2011]. Именно коррумпированность чиновников, при продажности и попустительстве которых в целом ряде видов деятельности бизнес носит откровенно этнически-криминальный характер, питает и рост националистических настроений среди местного населения.

Коррумпированная бюрократия в России сформировалась как класс, со своими интересами и системой их защиты. При этом некоторое время назад даже популяризировалась мысль, что коррупция (нарушение должностных полномочий в корыстных целях) способна оказывать на экономику не только отрицательное влияние, но и положительное, например, играя в ряде случаев роль «смазки», которая уменьшает трение между неэффективными законодательными нормами и потребностями бизнеса. В других случаях коррупция стимулирует чиновников работать более усердно, это, мол, позволяет предпринимателям снижать издержки временного характера.

В этом контексте характерно утверждение В.В. Дементьева, отмечающего «в ряде случаев квазиэффективный характер рентоориентированного поведения» и полагающего, что «отсутствие возможности рентных доходов во многих случаях означает исчезновение стимулов к позитивной деятельности вообще... В условиях подавленности эффективной мотивации именно стремление к “захвату” ренты выступает как движущая сила экономического движения» [Дементьев 2012].

Но экономическое движение – это *направленный* процесс, даже если иногда и возникает ощущение броуновского движения. Коррумпированность несовместима с рациональной экономической политикой; коррупция искажает всю систему принятия государственных решений, разрушает экономическую рациональность, обуславливает принятие и реализацию решений, приносящих отрицательный экономический эффект. Сам термин «коррупция» происходит от латинского *corruptio* – «испорченный», «развращенный», «продажный».

Практика показывает, что нормы взяточничества в российском обществе постоянно воспроизводятся, транслируются от старшего поколения к молодому. В одном из исследований, посвященных проблеме коррупции в российском обществе,

В.Л. Римский отмечает, что, например, учащиеся и студенты чаще дают взятки, чем не дают, а это означает их приобщение к подобному способу решения проблем еще в системе среднего и высшего образования. В исследованиях 2010 г. только 8,8% респондентов показали незнание того, как давать взятки (в 2001 г. – 23,7%), и только 10,5% заявили, что им «было противно это делать» (в 2001 г. – 16,3%). У значительной части российского общества (40,6% в 2010 г.), сторонников идеи, что взятки это часть жизни в условиях российской реальности, уже сформировался устойчивый коррупционный мотив социального поведения. Более того, «российская социальная среда такова, что позволяет довольно точно определять, в каких случаях необходима взятка и какой должна быть ее величина», – делает вывод исследователь [Римский 2011, с. 51–57].

Для противодействия коррупции в России необходимо признать, что взяточничество в стране стало социальной нормой, закрепилось как неформальная практика решения большинства вопросов и проблем. А значит, надо менять практику взаимоотношения граждан с бюрократией, опираясь в этом на тех субъектов, у которых формируется антикоррупционный мотив социального взаимодействия⁷. И для начала необходимо реанимировать политическую конкуренцию, привнести в жизнь бюрократии ощущение нестабильности, конкурентности. Например, Г. Таллок отмечает, что американские конгрессмены живут не бедно, «но если бы они позволили себе “престижные расходы”, скажем, один миллион долларов в год, то их оппонент на следующих выборах не преминул бы указать на это, и они бы лишились своего поста либо отправились в тюрьму» [Таллок 2011, с. 145].

К сожалению, в России ключевой, с позиции противодействия коррупции, задачей была и остается проблема *субъектности*: кто в этом заинтересован? Как считает Ю.Ю. Болдырев, дело не в том, что ни общество, ни государство не знают, что делать, а в том, что «у них нет воли сделать самое элементарное и жизненно необходимое» [Болдырев 2011, с. 14].

М. Фомин отмечает как парадокс российской модернизации тот факт, что на словах мы видим понимание высшим политическим руководством страны того, что «Россия либо найдет в себе силы на модернизацию, либо ее ожидает крах», а на деле – неготовность того же руководства к «модернизации политических институтов и общества, которая должна предшествовать экономическому обновлению» [Россия: общество рисков 2011, с. 100].

С нашей точки зрения, никакого парадокса нет. Напротив, все очень логично в рамках стратегии *консервативной модернизации*, заявленной в свое время В.В. Путиным. По определению, суть консервативной модернизации в том и состоит, чтобы все менялось, но так, чтобы ничего не менялось, чтобы сохранялся *status quo* и в политической сфере, и в экономике. Это, заметим, – традиционная для России стратегия, так сказать, «модернизация по-русски», во многом объясняющая *трехсотлетние* неудачи страны на этом поприще.

⁷ Отрадно, что процент людей, считающих, что коррупция разлагает общество и экономику, поэтому взяточничества следует избегать, увеличивается. В 2001 г. подобного мнения придерживались 46,6% респондентов, в 2005 г. – 51,6%, в 2010 г. – 54,4% [Римский 2011, с. 56, 57].

Интересное замечание в этом плане мы нашли у В.В. Дементьева; ученый отмечает *шизофреническую раздвоенность* экономического поведения властных групп: в своем стремлении получить ренту они склонны к такому поведению, результатом которого является неэффективное использование ограниченных общественных ресурсов, но чтобы сохранить возможность получения рентных доходов, они вынуждены *что-то* делать для поддержания эффективности экономической системы [Дементьев 2012]. С этим диагнозом мы связываем выдвигаемые властями «новации» типа консервативной модернизации, суверенной демократии, энергетической сверхдержавы, закона о волонтерстве и массу других лозунговых прожектов и кентавр-идей⁸.

В подтверждение нашего вывода сошлемся на А.И. Соловьева, который считает, что и заявленная российскими властями *модернизация* является лишь новым PR-проектом власти, нацеленным на «сохранение и пролонгацию господства латентных образований (в организации государственного управления. – Л.Д.) на максимально возможный срок» [Соловьев 2011, с. 97]. Любопытно, что даже декларируемая высшим руководством борьба с коррупцией и должностными злоупотреблениями «работает» на укрепление властно-административного бизнеса: под эту риторику происходит очередное перераспределение казенных ресурсов между различными ведомствами.

Таким образом, по нашему мнению, ответы на многие хозяйственные, социальные и политические вопросы в современной России следует искать в феномене *рентоискательства*. В основе проблем современной российской экономики лежит тот факт, что в хозяйственной и политической системе страны сложились влиятельные группы социально и экономически неэффективных собственников – собственников-рантье, ориентированных на извлечение ресурсной и властной (статусной, по словам В.В. Путина) ренты. Необходимо учитывать и мотивацию тех экономических и политических субъектов, которые влияют на процессы экономического, социального и политического развития, и тот факт, что рента может снижать стимулы к улучшению качества институциональных структур. «Политики могут быть заинтересованы в экономическом росте, но одновременно стремятся получать собственную ренту», замечают исследователи [Гуриев 2010, с. 8].

В этой связи важной задачей, стоящей перед исследователем, видится преодоление экономикоцентризма – узкого «экономистского» подхода, игнорирующего социальные, политические и прочие аспекты развития. Выход за рамки экономикоцентризма в научных исследованиях и поиск более приемлемой для России модели развития, нежели ныне существующая рентоориентированная модель, нами связывается с использованием методологического подхода институциональ-

⁸ Ж.Т. Тощенко обращает внимание на специфические идеи, которые появляются в переломные периоды развития общества, когда отвергается прежний опыт развития, но нет ответа на вопросы, *что делать* и *в каком направлении* следует двигаться в настоящее время? Специфика идей в том, что в них сочетаются взаимоисключающие начала, на основании чего ученый дает им название «кентавр-идеи». С одной стороны, кентавр-идеи отражают деформацию общественного сознания, а с другой, – используются правящим классом в целях манипулирования массовым сознанием, навязывания «под их флагом» ориентаций и установок, угодных этому классу. Поэтому в кентавр-идеях часто смешиваются научный и идеологический подходы [Тощенко 2011].

ного анализа, нацеленного на изучение особенностей формирования социально-экономического поведения субъектов, а значит, и экономической реальности под влиянием *меняющейся* институциональной среды.

Литература

- Барсукова С.Ю.* (1) (2012) Ресурсная экономика и сословная рента // ОНС: Общественные науки и современность. № 3 (*Barsukova S.Yu.* (1) (2012) Resource Economy and Social Class Rent // *Obzhestvennyie Nauki i Sovremennost.* № 3).
- Барсукова С.Ю.* (2) (2012) Теневая экономика: специфика фаз в условиях раздатка // Вопросы экономики. № 12 (*Barsukova S.Yu.* (2) (2012) The Shadow Economy: Specifics of Phases in the Terms of *Razdatok* // *Voprosy Ekonomiki.* № 12).
- Белл Д., Иноземцев В.Л.* (2007) Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества (*Bell D., Inozemtsev V.L.* (2007) The Era of Disunity: Reflections on the World of the XXI Century. Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrialnogo obzhestva).
- Бессонова О.Э.* (2012) Институциональная матрица для модернизации России // Вопросы экономики. № 8 (*Bessonova O.E.* (2012) Institutional Matrix for the Modernization of Russia // *Voprosy Ekonomiki.* № 8).
- Бодриков М.* (2006) Государственное регулирование частной жизни граждан и его экономические последствия // Вопросы экономики. № 3 (*Bpodrikov M.* (2006) State Regulation of the Private Lives of Citizens and its Economic Impact // *Voprosy Ekonomiki.* № 3).
- Болдырев Ю.Ю.* (2011) Коррупция – системное свойство постсоветского российского капитализма // Российский экономический журнал. № 2, 3 (*Boldyrev Yu.* (2011) Corruption – the System Property of Post-Soviet Russian Capitalism // *Rossiyskiy Ekonomicheskij Zhurnal.* № 2, 3).
- Бьюкенен Дж.* (1994) Конституция экономической политики. [Нобелевская лекция 1986 г.] // Вопросы экономики. № 6 (*Buchanan J.* (1994) The Constitution of Economic Policy // *Voprosy Ekonomiki.* № 6).
- Васильев Л.С.* (1982) Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука (*Vasilyev L.S.* (1982) The phenomenon of power-property. The problem of the typology of pre-capitalist structures // Types of Public Relations in the East during the Middle Ages. Moscow: Nauka).
- Гайдар Е.Т.* (1997) Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. СПб.: Норма (*Gaydar E.T.* (1997) State and Evolution. How to Separate Ownership from Power and Improve the Well-Being of Russians. St-Petersburg: Norma).
- Гаман-Голутвина О.В.* (2006) Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН (*Gaman-Golutvina O.V.* (2006) Russian Political Elite: Milestones of Historical Evolution. Moscow: ROSSPEN).
- Гуриев С., Плеханов А., Сонин К.* (2010) Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. № 3 (*Guriev S., Plekhanov A., Sonin K.* (2010) The Economic Mechanism of Resource Development Model // *Voprosy Ekonomiki.* № 3).
- Дементьев В.В.* (2003) Экономика как система власти. Донецк: Каштан (*Dementiev V.V.* (2003) The Economy as a System of Power. Donetsk: Kashtan).
- Дементьев В.В.* (2012) Система власти и рентное поведение в переходной экономике // <http://www.sustainable-cities-net.org.ua/publicationshow.php?id=186> (*Dementiev V.V.*

- (2012) The System of Power and a Rental Behavior in a Transitional Economy // <http://www.sustainable-cities-net.org.ua/publicationshow.php?id=186>.
- Зорькин В.Д.* (2010) Конституция против криминала // Российская газета. 10.12.2010 (*Zorkin V.D.* (2010) Constitution Against Crime // Rossiyskaya Gazeta. 10.12.2010).
- Иноземцев В.* (2011) Богатые не платят! // Аргументы и факты. № 48 (*Inozemtsev V.* (2011) The Rich Do Not Pay! // Argumenty i Fakty. № 48).
- Кабанов К.В.* (2011) Коррупция: общая ситуация и текущие реалии // Общественные науки и современность. № 5 (*Kabanov K.V.* (2011) Corruption: the General Situation and the Current Reality // Obzhestvennyye Nauki i Sovremennost. № 5).
- Карпиков Е.И.* (2004) «Свежий» взгляд на рентную проблему // Экономические науки. № 6 (*Karpikov E.I.* (2004) 'Fresh' Look at the Rental Problem // Ekonomicheskiye Nauki. № 6).
- Кимельман С.А.* (2010) Горная и ценовая рента в современной российской экономике // Вопросы экономики. № 7 (*Kimelman S.A.* (2010) Mining and Price Rents in Modern Russian Economy // Voprosy Ekonomiki. № 7).
- Кимельман С.А.* (2011) Неоиндустриализации препятствует государство-рантье // Экономист. № 8 (*Kimelman S.A.* (2011) Rentier State Prevents Neoliberalization // Ekonomist. № 8).
- Клейнер Г.Б.* (1996) Современная экономика России как «экономика физических лиц» // Вопросы экономики. № 4 (*Kleyner G.B.* (1996) The Modern Economy of Russia as 'Economics of Natural Persons' // Voprosy Ekonomiki. № 4).
- Клейнер Г.Б., Петросян Д.С., Беченов А.Г.* (2004) Еще раз о роли государства и государственного сектора в экономике // Вопросы экономики. № 4 (*Kleyner G.B., Petrosian A.S., Bechenov A.G.* (2004) Once More About the Role of Government and the Public Sector in the Economy // Voprosy Ekonomiki. № 4).
- Кордонский С.Г.* (2008) Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение» (*Kordonskiy S.G.* (2008) Social Class Structure of Post-Soviet Russia. Moscow: Institut Fonda 'Obzhestvennoye mneniye').
- Кордонье К.* (2005) Диагноз: природная рента // Стратегия России. № 3 // http://www.fondedin.ru/sr/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1109933645&archive=1112609966&start_from=&ucat=14& (*Cordonier C.* (2005) Diagnosis: the Natural Rent // Strategiya Rossii. № 3 // http://www.fondedin.ru/sr/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1109933645&archive=1112609966&start_from=&ucat=14&).
- Корецкий Д.* (2012) «Разбичить» общество! // Аргументы и факты. № 12 (*Koretskiy D.* (2012) Stop Violence in Society! // Argumenty i Fakty. № 12).
- Коуз Р.* (1993) Фирма, рынок и право. М.: Дело ЛТД, Catallaxy (*Coase R.* (1993) The Firm, the Market and the Right. Moscow: Delo LTD, Catallaxy).
- Крюков В.* (2006) Анализ развития системы недропользования в России (о необходимости ужесточения институциональных условий) // Вопросы экономики. № 1 (*Kriukov V.* (2006) Analysis of Mineral Resources Management System in Russia (About the Need to Tighten the Institutional Conditions) // Voprosy Ekonomiki. № 1).
- Крюков В., Маршак В.* (2010) Оценка параметров развития российского нефтегазового сектора // Вопросы экономики. № 7 (*Kriukov V., Marshak V.* (2010) Estimation of the Parameters of Development of the Russian Oil and Gas Sector // Voprosy Ekonomiki. № 7).
- Кудров В.М.* (2011) Экономика России в Европе и мире: прошлое, настоящее и будущее // Общественные науки и современность. № 5 (*Kudrov V.M.* (2011) Russia's Economy in Europe and in the World: Past, Present and Future // Obzhestvennyye Nauki i Sovremennost. № 5).
- Мизес Л.* (2005) Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум (*Mises L.* (2005) Human Action: A Treatise on Economic Theory. Chelyabinsk: Sotsium).
- Мировая экономика (2007). Под ред. А.С. Булатова. М.: Экономистъ (The World Economy (2007). Ed. by A.S. Bulatov. Moscow: Ekonomist).

- Норт Д. (1997) Институциональные изменения // Вопросы экономики. № 3 (North D. (1997) The Institutional Changes // Voprosy Ekonomiki. № 3).
- Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012) В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности // Вопросы экономики. № 3 (North D., Wallis J., Webb S., Vinegast B. (2012) In the Shadow of Violence: Lessons for Companies with Limited Access to Political and Economic Activities // Voprosy Ekonomiki. № 3).
- Олейник А.Н. (2010) О природе и причинах административной ренты: особенности ведения бизнеса в российском регионе N // Вопросы экономики. № 5 (Oleynik A.N. (2010) About the Nature and Reasons of Administrative Rent: Particularity of Doing Business in a Russian Region N // Voprosy Ekonomiki. № 5).
- Ослунд А. (1996) «Рентоориентированное поведение» в российской переходной экономике // Вопросы экономики. № 8 (Oslund A. (1996) 'Rent-Seeking Behavior' in the Russian Transition Economy // Voprosy Ekonomiki. № 8).
- Пивоваров Ю.С. (2006) Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: РОССПЭН (Pivovarov Yu.S. (2006) Russian Policy in its Historical and Cultural Relations. Moscow: ROSSPEN).
- Полтерович В., Попов В., Тонис А. (2007) Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. № 6 (Polterovich V., Popov V., Tonis A. (2007) Mechanisms of the 'Resource Curse' and the Economic Policy // Voprosy Ekonomiki. № 6).
- Римский В.Л. (2011) Взятничество как норма в решении гражданами своих проблем в органах власти и бюджетных организациях // Общественные науки и современность. № 5 (Rimskiy V. (2011) Bribery as the Norm in Solving Their Problems by Citizens in Government and Budget Organizations // Obzhestvennyie Nauki i Sovremennost. № 5).
- Россия: общество рисков? (2011) // Мировая экономика и международные отношения. № 11 (Russia: Society of Risks? (2011) // Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya. № 11).
- Рязанов В.Т. (2009) Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. Сб. статей. СПб.: С.-Петербургский государственный университет (Ryazanov V.T. (2009) Economic Order of Russia: on the Way to the Other Economies. Sat articles. St-Petersburg: St-Petersburgskiy Gosudarstvennyi Universitet).
- Соловьев А.И. (2011) Латентные структуры управления государством, или игра теней на лице власти // Политические исследования. № 5 (Solovyev A.I. (2011) The Latent Structure of the State Governance, or the Play of Shadows on the Authority Face // Politicheskiye Issledovaniya. № 5).
- Таллок Г. (2011) Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М.: Институт Гайдара (Tullock G. (2011) Public Goods, Redistribution and Rent Seeking. Moscow: Institut Gaydara).
- Тевено Л., Эймар-Дюверне Ф., Фавро О., Орлеан А., Салэ Р. (2005) Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук // Институциональная экономика: учебник / Под ред. А.Олейника. М.: Инфра-М (Thévenot L., Eymard-Duvernay F., Favereau O., Orléan A., Salais R. (2005) Values, Coordination and Rationality: Economics of Agreements or Era of Convergence of Economic, Social and Political Sciences // Institutional Economics: a textbook / Ed. by A. Oleynik. Moscow: Infra-M).
- Тощенко Ж.Т. (2011) Кентавр-идеи как деформация общественного сознания // Социологические исследования. № 12 (Toschenko J.T. (2011) Kentavr-ideas as Deformation of the Social Consciousness // Sotsiologicheskie issledovaniya. № 12).
- Хейне П. (1997) Экономический образ мышления. М.: Каталлаха (Heune P. (1997) The Economic Way of Thinking. Moscow: Catallaxy).
- Швецов Ю., Булаш О. (2009) Бюрократизация государства как тормоз социально-экономического развития // Вопросы экономики. № 9 (Shetsov Yu., Bulash O. (2009) The

- Bureaucratization of the State as a Brake on Social and Economic Development // *Voprosy Ekonomiki*. № 9).
- Швецов Ю.* (2006) Бюджет как инструмент воспроизводства бюрократии в России // Вопросы экономики. № 5 (*Shetsov Yu.* (2006) The Budget as a Tool for the Reproduction of the Bureaucracy in Russia // *Voprosy Ekonomiki*. № 5).
- Шишков Ю.В.* (2011) Государство и догоняющее развитие // *Мировая экономика и международные отношения*. № 6 (*Shishkov Yu. V.* (2011) The State and the Catching-up Development // *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*. № 6).
- Яцкий С.А.* (2011) Рентная экономика: политико-экономический аспект // *Вестник Югорского государственного университета*. Выпуск 4 (23) (*Yatsky S.A.* (2011) The Rent-Economy: the Political-Economic Aspect // *Vestnik Yugorskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Issue.4).
- Auty R.* (2008) Macroeconomic Policy for Mineral Economies // UNCTAD. March.
- Homer-Dixon T.F.* (1995) The Ingenuity Gap: Can Poor Countries Adapt to Resource Scarcity // *Population and Development Review*. № 3.
- Krueger A.* (1974) The political economic of the rent seeking society // *American Economic Review*. № 3.
- Larsen E.* (2006) Escaping the Resource Curse and the Dutch Disease? When and Why Norway Caught Up with and Forged Ahead of its Neighbors // *American Journal of Economics and Sociology*. № 3.
- Ngo T.-W.* (2008) Rent-seeking and Economic Governance in the Structural Nexus of Corruption in China // *Crime, Law and Social Change*. № 1.
- Tullock G.* (1967) The welfare costs of monopolies, tariffs and theft // *Western Economic Journal*. № 5.